

инквизитор" и которую я считаю одной из гениальнейших вещей во всех литературах. <...>

Для меня лично значение Достоевского выше литературы. Он воплощает один из величайших инстинктов человечества — альтруизм. <...>

Что касается влияния, которое Достоевский мог оказать на бельгийскую литературу, то я не считаю, что оно было особенно значительно. <...>. Сам же я подвергся его глубокому влиянию (паряду с влиянием Флобера) и поддаюсь ему все более и более.

Я питаю пристрастие к слабым, но борющимся людям; к людям, несправедливо обреченным на горести; к личностям, не преуспевающим в жизни; к неудачникам; к безвестным существам, которых никто не замечает и которых презирают за то, что они не в состоянии овладеть враждебными обстоятельствами. Это пристрастие пришло ко мне от Достоевского вместе с психологическим анализом...»

Приведенные выше выдержки из писем бельгийских литературных деятелей периода первой мировой войны дают довольно отчетливое представление о том, как воспринималось творчество Достоевского в маленькой, но богатой культурными традициями Бельгии. Некоторые из этих суждений выходят за пределы локальной темы и освещают те пути, которыми великий русский писатель за короткое время пришел от полуизвестности к мировому признанию, затмив на Западе своим именем все другие литературные имена.

Ф. СЕЛИЦКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ И ПОЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ

В 1927 г. в польском еженедельнике «Литературные известия» было помещено следующее замечание на тему о влиянии Достоевского на мировую литературу: «Когда через пятьдесят лет на семинарах по истории литературы начинающие студенты будут писать работы „О влиянии Достоевского на роман первой половины XX века“, они придут к выводу, что не было в те отдаленные времена ни одного писателя <...>которого нельзя было бы охарактеризовать путем определения его отношения к творчеству автора „Братьев Карамазовых“, романы которого, по мнению польского исследователя, волновали «... почти каждого европейского писателя».¹

И действительно, стоило бы начать такие исследования (в отдельных случаях они уже начаты). В настоящей статье мы по-

¹ Reichergówna R. Niemiecka monografia o Dostojewskim. [Рец. на кн.: J. Meier-Graefe. Dostojewski der Dichter. Berlin, 1926]. — Wiadomości Literackie, 1927, № 46, s. 2

кажем (по необходимости очень бегло) отношение польских писателей к Достоевскому и отметим, у кого из них критика констатировала то или иное влияние великого русского романиста.

Следы интереса к творчеству Достоевского можем найти уже у Ю. И. Крашевского, в библиотеке которого был французский перевод повести «Кроткая». О сравнительно широкой известности, какой Достоевский пользовался в кругу тогдашних польских писателей, свидетельствует и некролог по поводу его кончины, написанный поэтом и прозаиком А. Плугом и помещенный в варшавском журнале «Клосы». В нем русский романист был назван знаменитым писателем и благородным человеком.

Э. Ожешко, как можно полагать на основании ее переписки, относилась к Достоевскому равнодушно, хотя и признавала черты гениальности в его творчестве. Зато восторженно отзывался о нем Б. Прус. Он считал, что Достоевский стоит гораздо выше современных ему писателей Запада. Особенno поразило его «Преступление и наказание», отдельные образы которого мы встречаем не однажды в фельетонах Пруса. Тогдашняя критика не без основания отмечала влияние русского писателя на Пруса, которое сказалось на «психологической технике» его романа «Кукла» (применение внутренних монологов и экспонирование состояний подсознания).

Русский критик (Л. Шепелевич) и польский (Т. Парницкий) видели также сходство между «Преступлением и наказанием» и романом Г. Сенкевича «Без догмата», проявившееся в образах их главных героев — Раскольникова и Плошковского, хотя и отмечали кардинальное различие эстетических взглядов обоих писателей.

Из менее крупных польских прозаиков конца XIX в. заметное влияние Достоевского (его «Записок из Мертвого дома», в частности) испытал А. Шиманьский, автор известного цикла рассказов из жизни ссыльных в Сибири.

Большим энтузиастом великого русского писателя, называвшим его «Шекспиром романа», был Ст. Пшибышевский. Но Пшибышевского увлекала в творчестве Достоевского лишь его психопатологическая сторона. Он унаследовал «достоевщину», и это привело его к крайнему декадентству.

Иначе надо оценить влияние Достоевского на С. Жеромского, о котором писали многие критики. Жеромский обратил внимание прежде всего на то, что, как он записал в своем дневнике, «музой Достоевского как поэта является милосердие». В отличие от Пшибышевского Жеромского как будущего автора «Бездомных» взволновала общественная и этическая сторона произведений создателя «Униженных и оскорбленных», которая очень сильно сказалась на творчестве польского писателя. Кроме того, Жеромский следовал Достоевскому в приемах анализа человеческой психики, в технике изображения персонажей (особенно женских), в исполненных экспрессии зарисовках с натуры, в склон-

ности к нравственному испытанию читателя. То, что польской критикой принято было называть «жеромщиной», несомненно было результатом усвоения отдельных черт творческой манеры Достоевского, хотя польский писатель, конечно, не достиг художественного уровня русского мастера.

Атмосфера творчества Достоевского была близка почти всем писателям «Молодой Польши». Есть много свидетельств о том, что фамилия русского писателя была постоянно на их устах и что все они им увлекались — как прозаики, так и драматурги (из последних особенно Т. Риттер). Под большим обаянием романа «Преступление и наказание» находился ведущий критик «Молодой Польши» и прозаик Ст. Бжозовский, который записал в своем дневнике, что читал этот роман около двадцати раз. Так же восторженно Бжозовский отзывался о других произведениях Достоевского. Правда, в поэме в прозе под заглавием «Федор Достоевский» (1906) автор отрицательно отнесся к мессианистической, почвеннической идеологии Достоевского, хотя и подчеркнул, что его «проклятые вопросы» были порождены ужасной действительностью царской России, которая приводила «униженных и оскорбленных» к полной обездоленности. В романе «Зарево» (1908) Бжозовский вступил в полемику с автором «Бесов», изобразив с симпатией среду русских революционеров. Но и здесь, как это отметила критика, Бжозовский испытывал воздействие этики Достоевского и подражал ему в приемах психологического анализа. Влияние русского писателя заметно и в романах Бжозовского «Сам среди людей» (1911) и «Книга о старой женщине» (1914).

Восторженные отзывы о «Преступлении и наказании» и «Белых ночах» находим у молодого К. Ижиковского, в будущем выдающегося критика. Хорошо знаком с творчеством Достоевского был поэт Ян Каспрович, в творчестве которого критика заметила некоторое сходство с русским писателем (философия страдания, «прометейские» распри с богом). Вообще в начале XX в. буквально все молодые польские писатели «падали ниц перед Достоевским», как вспоминал В. Козицкий, председатель действовавшего с 1900 г. во Львове Литературного кружка, членом которого, между прочим, был в молодости выдающийся поэт Л. Страфф. Фамилию Достоевского встречаем в записках прозаика и драматурга В. Оркана и у Г. Запольской.

Под сильным влиянием русского писателя находился прозаик и драматург Т. Мициньский. Сказалось это в его известной драме «Князь Потемкин» (1906) и в концепции «человекобога», отразившейся в романе «Ксендз Фауст» (1913). Интересный пример использования мотивов Достоевского представляла драматизированная поэма Ю. Релидзыньского «Великий инквизитор» (1907), основанная на соответствующей главе «Братьев Карамазовых». В том же году другой поэт-модернист, Т. Налепиньский, посвятил «теням Достоевского» свой философский этюд «Он идет. О Ко-

роле-Духе России», в котором изобразил автора «Братьев Карамазовых» как «пророка» русской революции, следуя Д. Мережковскому.

После революции 1905 г. в польской консервативной публицистике и критике появились спекуляции на тему «русской души» и «души Достоевского», целью которых было противодействие влиянию «русской отравы» и «нигилизма». Но большинство сколько-нибудь видных писателей не поддалось влиянию этой антирусской пропаганды. Так, например, художник и писатель-прозаик С. Виткевич верил в возрождение России и с большой симпатией относился к максимализму Достоевского, не отступавшего ни перед чем при решении задачи изображения правды о душе человека. За эту черту высоко ценили творчество русского писателя и поэты А. Лянге и Б. Лесьмян, а также прозаик-натуралист Я. Корчак, который в своем романе «Дитя салона» (1906) заметным образом подражал ему. Критика констатировала влияние Достоевского также на технику романа В. Берента «Озимь» (1910).

В период между двумя войнами сильное влияние Достоевского испытал писатель-социалист (деятель МОПР'a) А. Струг. Критика писала о воздействии русского мастера на многие его романы, выражавшемся в склонности к анализу этических конфликтов в аспекте общих вопросов философии бытия, в сочетании философской проблематики с сенсационным сюжетом, в интересе к психологическим «странныстям», в предрасположении героев к самоанализу. Восхищение своим «мэтром» Струг наиболее полно выразил в этюде «Достоевский», помещенном в качестве вступительной статьи к пятнадцатитомному собранию сочинений русского писателя, изданному в Варшаве в 1928—1929 гг.

Поклонником Достоевского был известный прозаик и критик Т. Бой-Желенский. Он неоднократно признавался в своих статьях и рецензиях, что чтение произведений этого писателя составляло для него одно из глубочайших душевых переживаний. Сильное впечатление романы «Бесы» и «Преступление и наказание» произвели на М. Домбровскую. К числу самых близких себе зарубежных писателей причислял Достоевского революционный поэт В. Броневский (он же переводчик на польский язык романов «Игрок» и «Униженные и оскорбленные», повестей «Белые ночи», «Дядюшкин сон», «Крокодил», «Чужая жена и муж под кроватью»). «Все мельчает перед Достоевским», — писал в анкете поэт и критик С. Наперский, а поэт Ю. Виттлин заявил о своем преклонении перед гением автора «Братьев Карамазовых». Другие писатели, участники той же анкеты, назвали Достоевского своим любимым автором (З. Налковская, М. Кунцевич, А. Слонимский, В. Рогович, Т. Парницкий).

Польские писатели 1920—1930-х годов, конечно, не только восхищались Достоевским, — многие из них находились под его влиянием. Критики отмечали это, например, в произведениях

З. Налковской, особенно в ее «женских» драмах и в романе «Гравница» (1935). Налковская заимствовала у замечательного русского писателя не только некоторые психологические мотивы, но также метод конструирования романа (о том, что она действительно училась у него технике построения сюжета, свидетельствуют ее высказывания в опубликованном недавно дневнике писательницы).

Несомненно из литературной традиции Достоевского вырос напущенный в свое время роман Е. Анджеевского «Лад сердца» (1938), характеризующийся пафосом переживаний главного героя, борьбой в его душе добрых и злых начал. Следовал Достоевскому также Я. Ивашкевич в своих тщательных анализа индивидуальных черт человека и в особой структуре повествования, характерные особенности которой связаны с полифонизмом русского романиста. Еще более заметно влияние автора «Братьев Карамазовых» в романе М. Хороманьского «Ревность и медицина» (1933). Изображенная здесь гипертрофия ревности восходит к аналогичным переживаниям Дмитрия Карамазова. Драма того же Хороманьского «Человек дела» (довольно слабая) перекликалась в построении образа главного героя с «Преступлением и наказанием».

Среди польских драматургов этого периода критика констатировала зависимость от романа «Преступление и наказание» у К. Растворовского в драме «Неожиданность» (1929). Подражали романам Достоевского и другие польские драматурги, например С. И. Виткевич. Из прозаиков влияние русского писателя испытали Ю. Бандровский (в романе «Незгула»), А. Рудницкий (в романе «Крысы»), З. Униловский (в книге очерков, озаглавленной «Рожь в джунглях») и другие.

В заключение следует сказать, что если среди польских массовых читателей межвоенного периода самым популярным из русских авторов был Л. Толстой, то польские писатели наибольший интерес проявили к Достоевскому. Многие современные молодые польские писатели также увлекаются Достоевским, высказываются о нем с восхищением и подвергаются его творческому воздействию. Недавно один из них, З. Жакевич, писал об этом так: «Достоевский, тяжелую руку которого чувствовали на себе многие писатели <...> и ныне стоит перед нами, требуя дальнейшей дани. Очарование им в нашу эпоху столь же сильно...»² Этот феномен, продолжающийся уже почти сто лет, указывает, конечно, на непреходящее мировое значение творчества великого русского писателя.³

² Z a k i e w i c z Z. Ludzie i krajobrazy. Gdańsk, 1970, s. 11.

³ Об отношении польских писателей к Достоевскому см.: Sielicki F.

1) Dostojewski w kręgu pisarzy polskich na przełomie XIX i XX wieku. — Przegląd Humanistyczny, 1971, № 5, s. 78—102; 2) Dostojewski w kręgu pisarzy polskich międzywojennych. — Slavia Orientalis, 1972, № 3, s. 305—322.